

ВВЕДЕНИЕ

Мысль о важности обследования исторически сложившихся древнерусских собраний рукописных книг как единого целого все больше осознается исследователями-медиевистами. В последнее время появилось большое число работ, в которых освещаются самые разные стороны развития книжной культуры Древней Руси. В силу исторически сложившихся обстоятельств главными собирателями и хранителями книжности до XVII в. являлись монастыри. Академик Н. К. Никольский подчеркивал важность изучения монастырских собраний рукописей для восстановления истории литературных произведений и всей древнерусской письменности.¹ По мнению же А. И. Соболевского, случайный характер формирования монастырских библиотек не может быть полезным для выявления судьбы памятников письменности.²

Вопрос о необходимости изучения состава монастырских библиотек как одного из средств выявления фактов создания древнерусских произведений вновь был поставлен в статьях В. Н. Петретца³ и А. Д. Седельникова.⁴ А. Д. Седельниковым опубликован ряд статей, наблюдения и выводы в которых по преимуществу определены использованием материалов рукописных собраний.

Воссоздание истории книжных центров Древней Руси имеет значение для более полного понимания развития письменности и книжности как явления культуры. Оно позволяет уточнить ту конкретную историческую обстановку, на фоне которой протекал литературный процесс, а также облегчает работу исследователей над отдельными произведениями, позволяя устанавливать до-

¹ *Никольский Н.* Ближайшие задачи изучения древнерусской книжности. ПДП. 1902. Вып. 147; см. также: Отчеты о заседаниях Имп. ОЛДП в 1901—1907 гг. СПб., 1902 (ПДПИ. Вып. 148). С. 23—25.

² *Соболевский А. И.* Несколько мыслей о древней русской литературе // ИОРЯС. 1903. Т. 8, кн. 2. С. 138—158.

³ *Петретц В. Н.* Описи монастырских библиотек и спорные вопросы истории древнерусской литературы // *Slavia*. Praha, 1924. Roč. 3, seš. 2, 3. S. 348.

⁴ *Седельников А.* Несколько проблем по изучению древней русской литературы: Методологические наблюдения // *Slavia*. Praha, 1929. Roč. 8, seš. 3. S. 505—525; seš. 4. S. 728—740.

стоверные факты творчества тех или иных писателей и их литературную среду, уточнять причины и обстоятельства распространения произведений или локальности их существования. Тип исследования, посвященного истории книжных центров, может быть самым разнообразным — от наблюдений над отдельными произведениями, связанными своим происхождением с определенным центром, до установления полной истории жизнедеятельности изучаемого центра.⁵

Монолитность литературного процесса на Руси вплоть до конца XVI в.⁶ наглядно прослеживается на истории книжных центров, отражающих также и особенности этого процесса в разные хронологические периоды. Тесная взаимосвязь писательской среды и писцов была характерной чертой самых различных центров письменности, разбросанных по всей Руси и даже за ее пределами — имеется в виду общение с литературной средой Византии, Афона, Балканских стран. «В своем развитии начиная с XI в. русская книга постоянно использовала опыт зарубежной книги, особенно византийской и южнославянской. Этот опыт проходил иногда бурными потоками, целыми огромными массами. Такова, например, была эпоха второго южнославянского влияния в XIV—XV вв.»⁷

Возникновение книжных центров было связано прежде всего с деятельностью политической власти и духовенства. В зависимости от влияния и направленности интересов этих двух социальных сил определялось сосредоточие письменности в разные исторические периоды в тех или иных городах и монастырях. В силу этих же обстоятельств на каждом историческом этапе были свои ведущие центры книжности и одновременно менее значительные. Нельзя упускать из виду существовавшей традиции приглашения писателей, а также и профессиональных писцов в разные центры, отдаленные и близкие к столице, для выполнения определенных заданий заказчиков. Нередки были случаи приглашения писателей из-за границы. Как писатели, так и писцы могли переезжать из одного скриптория в другой. Взаимосвязь книжных центров проявлялась в постоянном обмене книгами путем их переписывания. Иногда переписывались циклы произведений или сборники в полном составе. В результате этого копии с одного и того же оригинала нередко оказывались в составе нескольких библиотек. Кроме того, происходила постоянная миграция рукописных ценностей из одного книжного центра в другой или от одного хозяина к другому. В момент активной жизнедеятельности определенного монастыря или усиления политической значимости отдельных княжеств происходило значительное по-

⁵ Под понятием «книжный центр» подразумевается любое творческое объединение книжников и писателей, занимавшееся переписыванием и правкой книг, созданием новых произведений и осуществлением переводов.

⁶ См.: *Лихачев Д. С.* Развитие русской литературы X—XVII вв. Л., 1973.

⁷ *Лихачев Д. С.* Задачи изучения связи рукописной книги и печатной // *Рукописная и печатная книга.* М., 1975. С. 4.

полнение фондов монастырских библиотек и средоточие разного рода письменности в княжеских резиденциях. Поэтому так важно изучать древнерусские собрания рукописей с учетом их исторической ретроспективы.

Выявление принадлежности рукописей определенному скрипторию или владельцу представляет научный интерес, так как в этих случаях нередко можно определить конкретные условия создания или бытования произведения. Но в неменьшей степени является важным установление контактов между книжными центрами и отдельными лицами. Накопление большого числа такого рода фактов, относящихся к определенным хронологическим периодам, позволяет проследить особенности возникновения и конкретные пути развития и распространения литературных памятников Древней Руси.

Начальный этап истории древнерусской книжности связан по преимуществу с Киевом и Новгородом, главными городами Руси XI в. Они явились и ведущими центрами книжности того времени, активно поддерживавшими связи между собой. Напомним, что в Повести временных лет и Новгородской I летописи самостоятельно, независимо друг от друга, был использован один и тот же не дошедший до нас древнейший летописный свод. В Повести временных лет под 1037 г. рассказано не только о строительной деятельности Ярослава Мудрого в Киеве, но и о заботах его по созданию книжных богатств: «И бе Ярослав любя церковные уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьце. И книгам прилежа и почитая е часто в нощи и в дне. И собра писца многы и прекладаше от грек и словеньское писмо и списаша книги многы». ⁸ В этой же летописной статье сказано о создании Ярославом библиотеки при Софийском соборе: «Ярослав же се, яко реком любим бе книгам. Многы написав, положи в святей Софьи церкви, юже созда сам». ⁹ Свидетельством интереса владетельных князей к книжной культуре являются два хорошо известных изборника (1073 и 1076 гг.), принадлежавших князю Святославу.

Одним из ранних дошедших до нас памятников письменности является Остромирово евангелие. Оно было написано дьяконом Григорием для новгородского посадника Остромира. Это позволяет говорить о том, что и в Новгороде, наряду с Киевом, правящие круги были причастны к распространению письменности. Особый интерес для нас представляет Мстиславово евангелие, о месте создания которого в научной литературе ведутся споры. Дело в том, что Мстислав с 1095 по 1117 г. был князем новгородским, а с 1125 г. занимал киевский стол. Поэтому и высказываются предположения о написании Евангелия или в Новгороде или в Киеве. Отметим кстати, что в одной из статей этой рукописи приводятся свидетельства о налчши в Киеве княжеской книжной мастерской. О поддержании контактов в деле распространения

⁸ ПСРЛ. Л., 1926. Т. 1, вып. 1: Повесть временных лет. Стб. 151—152.

⁹ Там же. Стб. 153.

письменности между Киевом и Новгородом, видимо, можно судить и по другим дошедшим до нас фактам. Так, Триодь Моисея Кияпина, датируемая концом XII—началом XIII в., по мнению А. И. Соболевского, состоит из двух частей, из которых одна была написана в Киеве, другая в Новгороде.¹⁰

Псковская земля наряду с Новгородской с древнейших времен и на протяжении всего средневековья оставалась одним из важнейших центров книжности и письменности, богатым созданием и своих произведений. Ликвидация республиканской самостоятельности и присоединение к централизованному Московскому государству не привели к запустению книжной и литературной жизни ни в Новгороде, ни в Пскове.

Новгородский архиепископ Нифонт (1130—1156 гг.) основал в Пскове Спасо-Мирожский монастырь, при котором вскоре была создана монастырская библиотека. Следует обратить внимание на то, что вначале она пополнялась книгами, привезенными из Новгорода. По поводу сохранившейся рукописи конца XI—начала XII в. (шифр: ГТГ, к5349), в состав которой входит Устав Студийский и Кондакарь, между учеными продолжается спор о месте ее написания — Новгород, Псков или Киев.¹¹ Отметим, что в этой рукописи переписана Память св. князьям Борису и Глебу.

Из числа русских произведений, получивших распространение по всей территории Руси, наиболее ранними являются статьи, посвященные прославлению первых русских святых князей Бориса и Глеба. О популярности этих произведений свидетельствуют сохранившиеся списки их. Так, в Добрилове, или «Семионове», евангелии 1164 г. галицко-волынского происхождения, как и в упомянутой псковской рукописи, тоже переписана Память св. князьям Борису и Глебу.¹² Она содержится также в Симоновском евангелии, выполненном в 1270 г. по заказу монаха Симона Новгородского Юрьева монастыря. «Захарьинский паремейник» 1271 г. был написан попом новгородской церкви св. Дмитрия Захарием и его сыном Олуферием для церкви Бориса и Глеба на Матигоре за Волоком. Рукопись предназначалась для отсылки в новгородские земли на Северной Двине. В состав ее включено паремейное чтение о Борисе и Глебе.¹³ В Стихираре минейном XII в.,

¹⁰ Соболевский А. И. Источники для знакомства с древнекиевским го-вором // ЖМНП. СПб., 1885. № 2. С. 354—356.

¹¹ Один из последних исследователей этой рукописи Г. И. Вздорнов высказывается в пользу ее новгородского происхождения (Древнерусское искусство: Рукописная книга. М., 1972. Сб. 1. С. 92—93).

¹² Малюва О. В. Палеографическое описание галицко-волынской рукописи XII в.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963. С. 65—78.

¹³ Абрамович Д. И. Жития св. мучеников Бориса и Глеба и служба им: Памятники древнерусской литературы. Пг., 1916. Вып. 2. С. 115—124. (Другие ранние списки паремейных чтений Борису и Глебу, известные Д. И. Абрамовичу: Паремейник конца XII—XIII в. — Моск. типографии, № 156 (54); Паремейник XIII в. — ТСП, № 4; Паремейник XIII—XIV вв. — Моск. типографии, № 158 (51)).

написанном пономарем Яковом, носившим мирское имя Твори-мир, для псковской церкви св. Власия на л. 20—23 об. помещены стихиры Борису и Глебу.¹⁴

Приведенные немногие хорошо известные в научной литературе примеры о бытовании рукописей говорят о том, что ранний этап развития письменности Руси характеризуется средоточием книжного дела вокруг княжеского двора и в церковной среде. Среди центров, откуда шло распространение книжности по всей территории Руси, выделялись Киев, Новгород, а также Псков и Галицко-Волынская земля. Между книжными центрами поддерживалась непосредственная и постоянная связь. Репертуар произведений, созданный в этот период, продолжал бережно храниться во вновь переписываемых списках на всем пространстве Русской земли в течение всего русского средневековья: и в период феодальной раздробленности и в последующей борьбе за великокняжескую власть между сильными княжествами. Эта традиция бережного отношения ко всему созданному в древнерусской литературе, начиная со времени написания первых памятников письменности, наглядно прослеживается на материале истории книжных центров.

Период феодальной раздробленности Руси, характеризующийся ростом политической активности отдельных удельных княжеств в их борьбе между собой за право считаться главой Русского государства, не был периодом культурного упадка.¹⁵ Напротив, в это время возникали новые политические центры, в которых шло интенсивное развитие культуры. Наряду с архитектурой и живописью все большее распространение получает и письменность. В научной литературе стало традиционным представлять историю культуры Руси этого периода посредством характеристики каждого значительного политического образования (удельного княжества) самостоятельно, определяя его своеобразие и традиции. Тип такого дробного рассмотрения истории культуры Руси распространился и на историю литературы. Изучение истории литературы отдельных удельных княжеств или областей дало повод для возникновения мнения, что в период феодальной раздробленности существовали самостоятельно областные литературы и местные школы. И до настоящего времени общие курсы древнерусской литературы строятся на основе этой концепции.¹⁶

В связи с этим следует высказать некоторые соображения о развитии книжных центров Древней Руси. Процесс дальнейшего развития письменной культуры и появление новых книжных цен-

¹⁴ Покровский А. А. Древнее псково-новгородское письменное наследие. М., 1916. С. 78.

¹⁵ Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.; Л., 1947. С. 176.

¹⁶ Кусков В. В. История древнерусской литературы. 4-е изд., испр. и доп. М., 1982 (перечисляются областные литературы: владими́ро-суздальская, новгородская, киево-черниговская, галицко-волынская, полоцко-смоленская, турово-пинская).

тров в период феодальной раздробленности протекал, как нам кажется, в тех же традициях сохранения контактов между ними. Для произведений письменности не существовало границ между отдельными удельными княжествами. Увеличение политической и церковной значимости отдельных княжеств и городов и связанных с ними монастырей как центров книжности приводило к появлению в них новых писцов и писателей, которые занимались не только распространением накопленных уже на Руси письменных ценностей, но и принимали участие в создании новых произведений, вызванных потребностями современной жизни определенного княжества. Возникновение произведений, связанных с местным материалом или местными задачами, не противоречило единству литературного процесса на Руси.

Остановимся на наиболее ярком примере приверженности на Руси традиции сохранения письменности, созданной в период Киевского княжества XI в. Ослабление Киева как главного города Руси и деление на удельные княжества привело к соперничеству между ними за право стать во главе государства. В XII в. на северо-востоке Киевской Руси возник новый центр государственности и культуры — Владимиро-Суздальское княжество. Это княжество достигло наибольшего политического и культурного расцвета при Андрее Боголюбском и его брате Всеволоде Большое Гнездо.¹⁷ При выстроенном во Владимире в 1160 г. Успенском соборе формируется библиотека, основным фондом которой явились рукописи, вывезенные из Киева.¹⁸ Согласно летописным данным, Андрей Боголюбский в 1155 г. вывез во Владимир рукописные книги из Вышгорода, а в 1168 г. старший сын князя Андрея Мстислав привез книги из похода на Киев. Однако это собрание рукописей не сохранилось, оно погибло во время пожара собора в 1185 г. По летописным сведениям, вторая библиотека, созданная при Успенском соборе стараниями главным образом епископа Симона, выходца из Киево-Печерского монастыря, была разграблена татарами в 1238 г. В том же году сгорела библиотека Спасского монастыря, в состав которой входили рукописи, поступившие из княжеской резиденции князя Константина Всеволодича. История создания книжности во Владимире показывает, что преемственность великокняжеской власти, на которую в XII в. претендовали владимирские князья, подкреплялась преемственностью духовной культуры, что выражалось в переносе и сохранении культурных ценностей, в том числе и рукописей.

На протяжении долгого времени одним из центров письменности оставался владимирский монастырь Рождества Богородицы,

¹⁷ См.: *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси: Рукописная книга Северо-Восточной Руси XII—начала XV веков. М., 1980.

¹⁸ Н. Н. Розов считает, что в XI в. миграция книг шла по торговым путям, а в период феодальной раздробленности перемещение книжных ценностей происходило вместе с основателями местных княжеских династий. (*Розов Н. Н.* Книга Древней Руси. М., 1977. С. 116).

основанный князем Всеволодом Большое Гнездо.¹⁹ Здесь поселились переехавший из разрушенного Киева Симон, один из авторов Киево-Печерского патерика, и группа монахов из Галицко-Волынской земли. Вскоре Симон стал игуменом монастыря, а в 1214 г. занял епископскую кафедру.

Татарское нашествие на Владимир в 1238 г. привело к утрате им многих культурных ценностей.²⁰ Начавшееся возвышение Москвы уже в XIV в. позволило ей выступить в качестве главного политического центра Северо-Восточной Руси, переяв эту роль от Владимира. В Москву в течение XIV—XVI вв. были перенесены сохранившиеся владимирские духовные реликвии. Указанные факты развития письменности во Владимире требуют дополнительных изысканий по конкретным рукописям, связанным своим происхождением и бытованием с Владимирской землей, которые еще могут быть обнаружены в составе сохранившихся собраний древнерусских рукописей. Но уже имеющиеся сведения подтверждают мысль о том, что концепция преемственности общегосударственной политической власти Москвой от Киева через Владимир базировалась на ранее выработанной традиции во Владимире и подтверждалась конкретно перенесением в Москву и сохранением ценностей искусства и письменности, созданных в Киеве и Владимире.

Укрепившиеся и выросшие в период феодальной раздробленности города, как центры отдельных княжеств со своей политической и церковной епископской властью, стремятся по традиции сохранить в своих библиотечных фондах полный (насколько это было возможно) репертуар памятников письменности начиная с киевского периода, а также собирают произведения, создаваемые в это время не только в местной среде, но и в других книжных центрах. В подтверждение этого отметим авторитет и повсеместное влияние на развитие книжной культуры в данный период Киево-Печерского монастыря. Многие постриженники его, становясь епископами или игуменами монастырей, способствовали распространению письменности. Серапион Владимирский, выдающийся писатель своего времени, в 1274 г. был поставлен во главе Владимирской епископии, до этого он был игуменом Киево-Печерского монастыря. Его поучения имели широкое распространение по всей Русской земле. Новгородский епископ Нифонт, постриженник Киево-Печерского монастыря, являлся активным церковным деятелем и писателем. Начало формирования Киево-Печерского патерика относится к XIII в. Основой его послужил обмен посланиями между владими́ро-суздальским епископом Симоном и печерским монахом Поликарпом. В послании последнего перечислены

¹⁹ Буланин Д. М. Владимирский Рождественский монастырь как культурный центр Древней Руси. ТОДРЛ. Л., 1981. Т. 36. С. 71—79.

²⁰ По данным Г. И. Вздорнова, владимирские рукописи не сохранились. Исследователь называет единственную сохранившуюся рукопись того времени — ЦГАДА, ф. 381, № 113 (майская служебная минья XIII в.); см.: Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. . . С. 15.

епископы русских городов из числа монахов Киево-Печерского монастыря.

Созданная наряду с Владимирской самостоятельная Ростовская епархия в XIII в. стала одним из важнейших центров, где большое развитие получило книгописание. Здесь появилась своя письменность, велось летописание. Одной из особенностей ведения книжного дела здесь явился интерес к художественному оформлению рукописей. Выявленные О. А. Князевской пять ростовских рукописей XIII в., отличающиеся общностью письма и стиля миниатюр, позволили ей сделать заключение о расцвете книгописания Ростова: «Именно в это время в Ростове написаны и украшены миниатюрами рукописи, образующие в целом выдающееся явление в истории древнерусской художественной культуры».²¹ Отметим, что две рукописи — Житие Нифонта 1219 г. (ГБЛ, ф. 304, № 35) и Апостол 1220 г. (ГИМ, собр. Синодальное, № 7) — являлись собственностью епископа Кирилла I.

В Ростове, где было создано много житийных текстов, посвященных местным святым, возможно, было осуществлено объединение их в виде единого цикла. В дальнейшем в ходе переписки вплоть до середины XVI в. этот цикл окружался житиями других русских святых. До нас дошло много сборников XVI в. такого состава. Задача заключается в восстановлении предполагаемого Ростовского цикла и установлении времени его создания. Этот частный вопрос может представлять интерес как проявление одного из традиционных свойств русской письменности, когда произведения одного книжного центра приобретают общерусское распространение.

Не менее значительным центром книжности и создания письменности было Тверское княжество периода соперничества его с Москвой за ведущую политическую роль в государстве. В более или менее полном составе ни одного из тверских собраний рукописей не сохранилось. Видным книжным центром Тверской земли в XIV—XVI вв. был Саввино-Сретенский монастырь, о чем можно судить на основании записей на отдельных рукописях. Так, в рукописи ГПБ, Q.1.207, содержащей слова постнические Исаака Сирина, отмечено, что написана она иеромонахами Авраамием и Исааком в Саввино-Сретенском монастыре в 1416 г. по заданию игумена Варсонофия.²² Сборник житий, созданный на Афоне в 1432 г. неким Авраамием Русином, был передан в Саввино-Сторожевский монастырь при «книголюбивом Савве игумене» в 1437 г.²³

²¹ Князевская О. А. 1) О ростовских рукописях начала XIII в.: Проблемы истории и диалектологии славянских языков. Сб. статей к 70-летию В. И. Борковского. М., 1971. С. 145—152; 2) Об одной графической особенности ростовских рукописей начала XIII в.: Русское и славянское языковедение. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972. С. 125.

²² Вадорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. . . С. 42, 62.

²³ Вадорнов Г. И. Роль славянских монастырских мастерских письма Константинополя и Афона в развитии книгописания и художественного

Прославление тверских князей в памятниках письменности (вспомним «Слово инока Фомы похвальное князю Борису Александровичу») отразилось и на манере художественного оформления рукописей. Лицевой список Хроники Амартола (ГБЛ, собр. МДА, № 100) — тверского происхождения. На выходной миниатюре рукописи изображены Михаил Ярославич Тверской и мать его Аксиния. По мнению Г. И. Вздорнова, миниатюры рукописи создавались в Твери, но не одним художником. Последний цикл миниатюр Хроники по исполнению близок иллюстрациям к Житию Бориса и Глеба в Сильвестровском сборнике (ЦГАДА, ф. 181, № 153), выполненным в Новгороде в первой половине XIV в.²⁴ Возникает вопрос: чем объясняется эта близость? Переезд мастеров художественного оформления рукописей, как и писателей, от одного заказчика к другому, видимо, и в это время было явлением общепринятым. Новгородский мастер или другой художник той же школы мог работать и в Твери и в Новгороде.

О связях Твери с другими книжными центрами говорит и следующий пример. В послесловии к Лествице, написанной в 1402 г. (БАН, собр. Н. В. Тимофеева, № 9), сообщается, что текст ее был списан с рукописи, принадлежавшей митрополиту Киприану. Ради этого рукопись привозили из Москвы в Тверь.²⁵

История развития книжности в XIII—первой половине XV в. в Москве, как и в Твери, может быть восстановлена только на основании приписок в рукописях и других косвенных данных. Конечно, ведущую роль в развитии книжности должна была играть митрополия, которая из Владимира переместилась в Москву в 1326 г. При монастырях и церквях должны были формироваться свои собрания рукописей. Одним из таких центров был Успенский собор. Сохранилось несколько рукописей XV в., написанных специально для Успенского собора. Сюда же, видимо, попали и некоторые рукописи, вывезенные из Владимира. Симонов и Чудовский монастыри в XV в., по всей вероятности, тоже приобрели значение как центры книжности.²⁶ Косвенные свидетельства подтверждают, что монастырь Спаса на Бору являлся хранилищем древних рукописей, куда поступила часть рукописей из Даниловского монастыря, основанного в XIII в.²⁷ О создании монастыря и о заложении церкви Преображения Спаса в этом монастыре Ива-

оформления русских рукописей на рубеже XIV—XV веков // ТОДРЛ. Л., 1968. Т. 23. С. 198.

²⁴ Вздорнов Г. И. Искусство книги в Древней Руси. . . С. 50—53.

²⁵ Там же. С. 59.

²⁶ Н. Н. Розов отмечает наличие двух датированных рукописей этих монастырей; см.: Розов Н. Н. Статистика и география русской книги XV в. (предварительные данные): Книга в России до середины XIX в. Л., 1976. С. 42.

²⁷ Амфилохий, архим. Летописные и другие древние сказания о св. благоверном великом князе Данииле Александровиче, сыне св. благоверного великого князя Александра Невского, и построенном им Даниловском за Московью рекою монастыре. Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1873. Т. 2, отд. 3. С. 25.

ном Даниловичем Калштой сообщается в летописях под 1330 г.; отмечается также, что церковь его стараниями была украшена иконами и книгами.²⁸

О создании в XIV—XV вв. великокняжеских библиотек никаких свидетельств не сохранилось.²⁹ Однако и великие и удельные князья являлись заказчиками особенно богато украшенных книг, которые в конечном счете поступали в монастырские хранилища.

Помимо упомянутых из числа ведущих книжных центров в Русском государстве в XIII—XV вв. постоянно возникали хранилища по всей его территории. Все они заслуживают особого внимания и тщательного изучения.

Нельзя обойти молчанием развитие книжных контактов в период второго южнославянского влияния. В это время в России оказались сербские и болгарские писатели, писцы, художники. Это не только привело к появлению на Руси новых произведений, но и оказало влияние на манеру письма и художественное оформление рукописей, на пополнение библиотек сербскими и болгарскими рукописями. В это же время усиливаются контакты русских книжников с константинопольскими и афонскими монастырями.

Паломничество русских в Константинополь и Афон стало явлением постоянным. На Афоне и в Константинополе проживали писцы, которые занимались перепиской книг и отправлением их на Русь. Существовала традиция сопровождать эти рукописи послесловиями писцов, благодаря чему исследователи имеют возможность достаточно точно проследить и время написания рукописей, и установить имена конкретных лиц, переправляющих их на Русь, и места хранения их там. Распространение рукописей, вывезенных из-за границы, и списков, сделанных с них, было повсеместным на Руси. Весь обширный рукописный материал, посвященный связям Руси с Балканами, Константинополем и Афоном, требует обобщения, в результате которого проблема второго южнославянского влияния может быть представлена в свете достоверных фактов.

Отметим один из примеров сложного пути перемещения рукописей. Рукопись ГИМ, собр. Чудовское, № 15, в лист, имеет три записи: 1) сообщение русского писца о написании ее в Константинополе в монастыре Перивлепто, 2) сербская запись начала XV в. о том, что рукопись была перенесена на Афон, 3) запись русским полууставом XV в. о принадлежности ее монастырю Николы Мокрого в Москве.³⁰

Существовал и обратный путь перемещения русских рукописей

²⁸ ПСРЛ. М.: Л., 1949. Т. 25. С. 169.

²⁹ *Вздорнов Г. И.* Искусство книги в Древней Руси. . . С. 63.

³⁰ *Черниловская М. М.* Об идентификации почерков трех сербских рукописей XV в. с Афона // Вопросы славяно-русской палеографии, кодикологии, эпиграфики. М., 1987. С. 39.

в Византию и Ближний Восток, но примеров подобного рода учтено значительно меньше.³¹

Процесс централизации Русского государства во главе с московскими великими князьями сказался определенным образом на распределении ролей различных книжных центров в развитии общественно-политической мысли и литературы в России. Главным связующим звеном между ними стала Москва. Великокняжеское окружение и митрополичий двор притягивали наиболее интересных и талантливых писателей и профессионалов книжного дела к Москве. В настоящее время перед исследователями стоит задача наиболее четко определить конкретные центры в самой Москве, где группировалась среда писателей и книжников, что позволит уточнить имена писателей, работающих в условиях, когда литература и другие виды письменности носили, как правило, остро выраженный публицистический характер.

Хорошо известна деятельность с 80-х годов XV в. Геннадиевского кружка в Новгороде, направленная на борьбу с еретичеством. Этот кружок сыграл также значительную роль в общекультурном и литературном развитии Руси в конце XV в. Непосредственно через Новгород осуществлялась связь с западноевропейской книжной культурой того времени; произведения, переведенные в Новгороде, в дальнейшем оказывались известными и в других литературных кругах. Репертуар произведений, собранных при Геннадиевском кружке, привлекал к себе внимание не только клерикалов, боровшихся с идеями еретичества, но и других книжников, интересующихся литературой. Достаточно освещен в научной литературе факт обращения к Геннадиевскому кружку инок Досифея, организовавшего в Новгороде переписку книг для пополнения создаваемой библиотеки Соловецкого монастыря.

Безусловно значительным центром письменности был митрополичий двор, деятельность которого во многом зависела от политической ориентации митрополита. Этим же определились его контакты и с монастырскими книжными центрами. Особенно активной была деятельность скриптория при митрополичьем дворе во время правления митрополита Даниила (20-е—30-е годы XVI в.), тесные связи которого с писателями отразились и на работе скриптория. Немалую роль в это же время сыграла и мастерская Михаила Медоварцева, группировавшая вокруг себя определенный круг писателей, в число которых входили Вассиан Патрикеев и Максим Грек. Мастерская находилась в Старом Никольском монастыре, который ранее играл роль греческой колонии.

³¹ Рукопись ГПБ, ОЛДП. Q. 106, в 1884 г. подаренная П. П. Вяземскому в Палестине в монастыре св. Саввы и содержащая Житие Саввы Освященного, написана в XIII в. на юге Руси. В ней на л. 134 содержится запись писца — «попа пономаря Кохана», а на л. 134 об. сделана запись скорописью о том, что автор записи не смог прочесть книгу из-за незнания языка. Предполагается, что автор последней записи был серб (Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI—XIII вв. М., 1984. № 262).

Исследователям книжных центров Древней Руси следует обратить внимание на Симонов и Чудовский монастыри; некоторые факты указывают на возможность их организационной деятельности в книгописном деле и наличие там специфических условий для творчества писателей.

Значительное влияние на развитие публицистичности литературы именно в этот период оказало хорошо известное в науке противостояние посифлян как политической силы нестяжателям, а также другим церковным и нецерковным группировкам и кругам, как в Москве, так и за ее пределами. Это отразилось на особенном характере жизнедеятельности книжных центров.

Одним из выдающихся по своему значению центров, сыгравших большую историко-культурную роль во второй половине XV—XVI вв., был Кирилло-Белозерский монастырь, связанный с нестяжателями и вовлеченный в политическую борьбу с посифлянами. Сохранившаяся библиотека монастыря и другие материалы позволяют проследить его взаимосвязь со многими литературными центрами, а также с отдельными писателями и любителями книжности, его открытость к восприятию всех видов письменности.

Сопоставление сохранившегося книжного наследия Иосифо-Волоколамского и Кирилло-Белозерского монастырей со всей наглядностью показывает своеобразие вклада каждого из них в литературную жизнь рассматриваемого периода. Иосифо-Волоколамский монастырь, основанный в 1479 г., уже к началу XVI в. сумел собрать большую библиотеку, создать профессиональный скрипторий и воспитать в своей среде ряд писателей, в том числе таких значительных, как Иосиф Волоцкий и Вассиан Топорков. Но это был центр книжности, подчиненный сугубо политическим устремлениям своего основателя и его продолжателей. В Волоколамском монастыре ревниво следили за всем новым, появляющимся в литературной среде того времени, но вся книгописная и литературная работа в монастыре была подчинена поднятию его престижа и интересам его руководителей, стремившихся занять ведущее положение в церковной политике и оказать наиболее сильное влияние на великокняжескую власть. Произведения, созданные посифлянами, не только публицистические, но имеющие и светский характер, в XVI в. не получили широкого распространения. Некоторые из них дошли до нас только по спискам Волоколамской библиотеки. Это говорит о непопулярности посифлян в широкой общественной среде.

Следует обратить внимание еще на одну существенную черту монастырей как собирателей книжных ценностей. Именно монастыри оказались наиболее надежными хранителями попадавших в их библиотеки рукописей. В их состав вливались не только книги, созданные в самом монастыре и принадлежавшие его постриженникам. Библиотеки пополнялись вкладами со стороны — и от монахов, и от мирян. В них включались частные библиотеки, в том числе видных любителей книжности. Известно, что книги

как вклады в монастырь шли наряду с самыми большими ценностями. В этом отношении библиотека Троице-Сергиевого монастыря представляет наиболее типичный образец. В нее по традиции поступали вклады часто в виде богато украшенных книг от княжеских родов и знатных фамилий. Ценность этого книжного центра в отличие от двух названных ранее заключается главным образом в собирательской деятельности, а не в формировании среды, так или иначе связанной с созданием письменности.

Наиболее устойчивый состав библиотек Древней Руси сформировался к концу XV в.; на протяжении XVI в. библиотечные собрания по преимуществу только пополнялись, поэтому судить о книжной культуре и письменности до конца XVI в. можно главным образом на основании монастырских собраний. С XVII в. это положение значительно меняется по ряду обстоятельств, одним из которых является нарушение постоянства состава монастырских библиотек. Из них нередко стали изымать рукописи для нужд государственных властей и митрополии.

Письменность как часть культуры Руси на протяжении XI—XVI вв. представляла собой постоянное, но подвижное единство. Это явление наглядно подтверждается также и историей летописания, которое никогда не было узко местным. В каждом феодальном княжестве при создании своих летописных записей непременно стремились местные исторические сведения включить в состав событий общерусской истории. Все значительные летописные своды начинаются с Повести временных лет, но и краткие частные летописцы учитывают отдельные исторические факты, начиная с упоминания о князе Рюрикe. Летописание, возникшее в Киеве и Новгороде, распространилось по всей территории Руси: в Переяславле Южном, Галиче, Чернигове, Владимире, Переяславле Суздальском, Ростове, Твери, Пскове, Рязани, Смоленске, Великом Устюге и других городах. В Москве на протяжении XIV—XVI вв. составляются многие летописные своды. На Руси до конца XVI в. не существовало деления на обособленные областные литературы и их параллельного существования, а шел взаимообогащающий процесс в развитии единой книжной культуры.

К настоящему времени выявлено много фактов жизнедеятельности древнерусских центров книжности, которые во многом помогают исследователям древнерусской литературы в изучении как литературного процесса в целом, так и истории отдельных произведений. Но остается еще значительный пласт неизученного рукописного материала о книжных центрах и об условиях работы в них писателей и писцов. Представленные в настоящем сборнике статьи дают новый фактический материал для познания истории книжной культуры с XI по XVI в. Продолжать подобного рода работу необходимо и дальше.

Итак, собранные исследователями наблюдения о жизнедеятельности книжных центров, о работе отдельных писцов и о собирателях личных библиотек свидетельствуют о постоянных взаимо-

связях всего круга книжников Древней Руси, начиная с XI в. и до XVI в. включительно. Основной корпус литературы за все исторические периоды был известен читающей среде Древней Руси.

На настоящем этапе изучения книжной культуры, как нам представляется, можно и нужно уже делать и дальнейшие шаги по объединению отдельных наблюдений, изложенных в самых разных современных изданиях. Продолжая выявлять новые книжные центры с неперменным прослеживанием их литературных связей, видимо, уже можно делать и обобщения о роли и значении книжных центров и литературных кружков в XI—XVI вв. В это время значительное место в формировании письменности занимало духовенство, а также в большей или меньшей степени приближенные к государственной власти образованные слои общества. В XVII в. в значительной степени расширяется среда, в которой будут создаваться, читаться и храниться произведения письменности.

Р. П. Дмитриева

